

Политическая философия «Слова о полку Игореве»

А.В. ФЕНЕНКО¹

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Россия)

Аннотация

Политико-философская и концептуальная основа «Слова о полку Игореве», условно древнерусской поэмы о неудачном походе новгород-северского князя Игоря Святославича (1155 – 1201 гг.) на половцев в 1185 году, остается дискуссионной. Она напрямую зависит от авторского намерения в контексте предполагаемой датировки эпохи. С научной точки зрения корректнее говорить не о политико-философской мысли «Слова...», а, скорее, о комплексе дискуссий вокруг этого произведения. Поэтому понять политические мотивы «Слова...» можно только в контексте полемики вокруг его датировки, продолжающейся уже более двух столетий. В статье представлены дискуссии о подлинности текста, его связь с другими древнерусскими источниками, историография споров о тексте и выводы относительно политической философии данного произведения.

Ключевые слова

Слово о полку Игореве, философия, политическая философия, русская философия, история России

Для цитирования

Фененко, А.В. (2024). Политическая философия «Слова о полку Игореве». *Управление и политика*, 3(2), С. 43–68. DOI: 10.24833/2782-7062-2024-3-2-43-68

¹ **Фененко Алексей Валериевич** – доктор политических наук, профессор Факультета мировой политики, МГУ им. М.В. Ломоносова. 119234, Россия, Москва, ул. Ленинские Горы, д. 1, стр. 51.
E-mail: alfenenko@yandex.ru

Загадки «Слова...»

Зарождению дискуссии о подлинности «Слова...» способствовали обстоятельства находки памятника (Бобров, 2014). Единственная сохранившаяся рукопись «Слова» была обнаружена в конце XVIII века А.И. Мусиным-Пушкиным (1744-1817), собирателем русских древностей. Сам коллекционер утверждал, что в конце 1780-х годов купил рукопись у архимандрита Иоили Быковского (1728-1798), бывшего настоятеля упраздненного к тому времени Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. Быковский же якобы изъял сборник из монастырской библиотеки и сделал в описи пометку о его уничтожении «за ветхостью и согнитием». В 1992 г. обстоятельства находки «Слова...» были пересмотрены, что еще больше усилило сомнения в подлинности рукописи².

В 1797 г. в гамбургском франкоязычном журнале «Spectateur du Nord» появилось первое сообщение об открытии «отрывка поэмы под названием: „Песнь Игоревых воинов“» и его предстоящем издании. Сообщение было предположительно написано Н.М. Карамзиным (1766-1826), подписавшимся псевдонимом NN. «Отрывок» был опубликован в 1800 г. отдельной книгой в Москве под названием «Ироническая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ переложениемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе». Публикация была билингвой – текст подлинника (в нем появились знаки пунктуации и разбивка на слова) с параллельным переводом на русский язык конца XVIII века. «Слово...» сопровождалось подстрочными примечаниями, вступительной заметкой «Историческое содержание песни» и «Поколенной росписью» русских князей. Археограф А.Ф. Малиновский (1762-1840)

² Мусин-Пушкин утверждал, что в конце 1780-х годов купил у бывшего настоятеля упраздненного к тому времени Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле архимандрита Иоили (Быковского) сборник. Он, помимо «Слова», включал в себя Хронограф распространенной редакции, Новгородскую первую летопись младшего извода, «Сказание об Индийском царстве», «Повесть об Акире Премудром» и «Девгениево деяние». Быковский же изъял сборник из монастырской библиотеки и сделал в описи пометку о его уничтожении «за ветхостью и согнитием». В 1992 г. тот самый сборник был найден в Ярославском музее, и «Слова» в нем не оказалось. Появилась другая гипотеза, согласно которой Мусин-Пушкин, будучи обер-прокурором Синода, получил рукопись, содержащую «Слово», из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря зимой 1791-1792 годов и присвоил ее.

перевел «Песнь» и написал примечания, а директор Московского архива Коллегии иностранных дел Н.Н. Бантыш-Каменский (1737-1814) подготовил к печати древнерусский текст.

Однако рукопись «Слова...», хранившаяся в доме Мусина-Пушкина, погибла в московском пожаре 1812 года. Вопрос о сохранившихся копиях «Слова...» остается дискуссионным³. Помимо текста первого издания 1800 г. сохранились 1) выписки из погибшей рукописи «Слова...», сделанные Малиновским; 2) семнадцать выписок из «Слова» писателя Н.М. Карамзина, которые он включил в свою «Историю государства Российского» (1818). Карамзинские выписки не совпадают с текстом первого издания. Историки полагают, что Карамзин, возможно, копировал текст мусин-пушкинского сборника, но уверенности в этом нет. Вопрос о существовании других рукописей «Слова...» остается открытым. Фальсификатор А.И. Бардин изготовил к 1815 г. поддельный список «Слова...» и смог продать его А.Ф. Малиновскому, но палеограф А.И. Ермолаев (1779-1828) доказал, что бардинский список – фальшивка. В печати появлялись сообщения о списках «Слова», увиденных в Олонце, в Астрахани, в Костромской области, однако историческая наука не признала их подлинности.

Загадкам «Слова...» способствовал его необычный многослойный сюжет. Рассказ о событиях 1185 г. постоянно соседствует с авторскими отступлениями, историческими экскурсами и лирическими вставками. Существует и немало «темных мест» в «Слове»: важные образы и смыслы, расшифровать которые исследователи не смогли до настоящего времени. Со «Слова...» было сделано несколько поэтических переложений на современный для авторов русский язык: их выполнили предположительно В.А. Жуковский (1817-1819),⁴ А.Ф. Вельтман (1833), А.Н. Майков (1868), Г. П. Шторм (1926), К.Д. Бальмонт (1930), С.В. Шервинский (1934), А.К. Югов (1945), Н.А. Заболоцкий (1948), Н.И. Рыленков (1963). Однако

³ Здесь и далее материал об исследовании «Слова...» взят из работы: Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 томах. (1995). Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Ред. кол.: Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, С.А. Семячко, О.В. Творогов (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин.

⁴ При жизни Жуковского его переложение, предположительно сделанное в 1817-1819 гг., не публиковалось. Впервые оно было напечатано Е.В. Барсовым в «Чтениях в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете» 1882 кн. 2, по копии, находящейся в архиве А.С. Пушкина. Принадлежность переложения Жуковскому была установлена И.А. Бычковым по черновому автографу Жуковского, находящемуся в ГПБ, № 27.

многие смыслы «Слова», толкования неоднозначности его «темных мест» были при этом потеряны, что делает подобные поэтические переложения произведениями для массового читателя, а не для источниковедческого анализа.

В самом начале автор обещает рассказать древними словами о деяниях князя Игоря и противопоставляет свой стиль «вещему» Бояну – персонажу, не упоминающемуся в других литературных источниках, кроме «Задонщины». Далее автор рассказывает о неудачном походе новгород-северского князя Игоря Святославича со своим братом Всеволодом (называемого «Буй Тур») в половецкую степь. Поход, сопровождавшийся мистическими предзнаменованиями – от затмения до крика Дива и разворота «Тумутараканского болвана» – завершился поражением русичей в сражении на реке Каяле (в настоящее время реки с таким названием не существует) и пленением Игоря. Параллельно автор вспоминает об усобице сыновей и внуков Ярослава Мудрого во второй половине XI века, которая из-за действий Олега Святославича (Гориславича) привела к разорению Руси. Вместе с природой судьбу Игорева войска оплакивает и автор, упоминая плач русских жен, вхождение Девы Обиды в «Землю Троянью», поскакавших по русским городам Карну и Жлю, сеящих губительную смагу.

В Киеве князь Святослав видит зловещий сон, в котором его одевают в погребальные одежды, а на грудь ему сыплют жемчуг (вероятно, символ слез); проснувшись, он узнает от бояр о поражении Игоря, что половцы уже «прострошася по Руской земли», что восточные страны радуются их победе, а «готския красныя девы» на берегу моря, торжествуя, «поют время Бусово, лелеют месть Шароканю»⁵ и звенят русским золотом. Тогда князь Святослав произносит «златое слово»: упрекает Игоря и Всеволода в самонадеянности, и зовет к походу против половцев владимирского князя Всеволода Большое Гнездо, братьев Рюрика Ростиславича Киевского и Давыда Ростиславича Смоленского, галичского князя Ярослава «Осмысла», волынских князей Романа и Мстислава (перед ними склонились, как следует из текста, многие враги: «Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела»), Мстиславичей (точно не идентифицированы).

⁵ Предположительно аллюзия на неудачный поход половецкого хана Шарукана на Русское государство в XI веке.

После этого автор размышляет о судьбе Полоцкого княжества, над которым нависла литовская опасность: как река Сула перестала быть преградой для половцев, так и Двина не отделяет больше Русь от Литвы. Местные князья воюют друг с другом, и только один из них, Изяслав Василькович (упомянут лишь в «Слове») дал отпор врагу. Между тем полоцкие князья стали инициаторами первых междоусобных войн: их предок, Всеслав Брячиславич, «на седьмом веку Трояна» противопоставил свое княжество остальной Руси, следствием чего стало его отчуждение, а потом – беззащитность перед внешней угрозой.

Далее следует комментарий к биографии Всеслава Брячиславича, смысл которого ясен не полностью. Вопреки историческим реалиям, в «Слове» князь сначала получает власть над Киевом (1068) и только потом терпит поражение на Немиге (1067). Быстрота его передвижений и (по одной из версий) представления о нем как о князе-волхве, князе-оборотне, дают автору повод говорить, будто Всеслав за ночь преодолевал путь от Киева до Тмутаракани, будто он в Киеве слышал, как звонят к заутрене в Полоцке. Судьба полоцкого князя подталкивает автора «Слова» к новым размышлениям о судьбе Руси. Он вспоминает эпоху единства, сравнивая ее с современностью. «О! — говорит он, — стонати Руской земли, помянувшє пръвую годину, и пръвых Князей».

Обращение автора к князьям сменяется плачем жены Игоря Ярославны (предположительно реальная княгиня Ефросинья Ярославна): он предвещает развязку – бегство Игоря из плена. Ярославна хотела бы превратиться в птицу (зегзица – это, по разным версиям, чайка, кукушка, чибис, горлица, ласточка), набрать на Дунае живой воды (в другой версии Дунай – эпическое наименование реки как таковой), прилететь к Игорю и вернуть его к жизни. Во второй части «Плача» она стоит на стене Путивля (возможно, потому что этот город ближе к степи, чем Новгород-Северский) и обращается за помощью и сочувствием к силам природы – ветру, Днепру и Солнцу. Князь Игорь бежит из плена, возвращается в Киев (хотя согласно летописной повести, Игорь сначала пришел в Новгород-Северский) и тем самым как бы признает свою вину – нарушение

обязательств перед сюзереном, перед Русской землей. Завершается «Слово» провозглашением «славы» в честь князей – Игоря, Всеволода, Владимира Игоревича и их дружины.

Подлинник или подделка?

С этого времени уже более двухсот лет историки, филологи, лингвисты пытаются разгадать загадки этого произведения, в том числе понять – в чем заключается его политическое значение и что именно стремился сказать автор?

Первая волна дискуссий о подлинности «Слова...» началась сразу после его находки и продолжалась примерно до конца 1840-х годов. Скептиками в отношении «Слова...» выступили немецкий историк Август Людвиг Шлецер (1735-1809), профессор Московского университета М.Т. Каченовский (1775-1842), археограф и церковный деятель Евгений Болховитинов (1767-1837). В противовес им еще в мае 1812 г. филолог П.Ф. Калайдович (1791-1839), брат известного исследователя древнерусских памятников К.Ф. Калайдовича (1792-1832), обсуждал на заседании Общества любителей российской словесности вопрос о языке «Слова» и защищал его подлинность, возражая Каченовскому. Сторонниками подлинности «Слова...» выступали, прежде всего, литераторы Н.М. Карамзин и А.С. Пушкин, причем последний даже полемизировал с Каченовским в Московском университете 27 сентября 1832 года.

В 1830-х и 1840-х гг. произошло оформление лагерей сторонников подлинности и поддельности «Слова...». В 1834 г. вышла работа И. Беликова, ученика М.Т. Каченовского, «Некоторые исследования „Слова о полку Игореве“», где развивается идея о его поддельности. Беликов под влиянием Каченовского выдвинул два основных аргумента против подлинности «Слова...», которые не утратили своей актуальности до нашего времени. Во-первых, странно, что от «Слова...» сохранился единственный список: по логике, чем древнее произведение, тем больше от него должно сохраниться списков – как, например, от французской «Песни о Роланде». Во-вторых, не менее удивительно, что в древнерусской литературе нет

ничего похожего на «Слово...». С Беликовым согласился издатель журнала «Библиотека для чтения» О.И. Сенковский (1800-1853): он считал «Слово» работой «питомца Львовской академии, или питомца Киевской академии из галичан на тему, заданную по части риторики и пиитики» и датировал его второй половиной XVIII века. Впрочем, у О.И. Сенковского не было здесь устоявшейся позиции: в 1837 году, публикуя рецензию на книгу Мармье «Путешествие по Исландии», он заметил, что Слово можно было бы признать «настоящею скандинавскою сагою (! – прим. автора), если б только оно не носило на себе явных следов новейшего подражания и не обличало сербской или карпатской руки человека, который изучал латинскую литературу» (Сенковский, 1837, с. 149).

В 1840-х гг. обозначилась и партия сторонников подлинности «Слова...» (Николюкин, 2020). Примечательно, что они подчеркивали свою связь с аргументами А.С. Пушкина. В 1846 г. известный критик С.П. Шевырев (1806-1864) в десятой лекции «Истории русской словесности» указал: «Известно, что Пушкин готовил издание «Слова о полку Игореве». С глубоким уважением говорил он о его поэтических достоинствах и не сочувствовал нисколько мнениям скептиков, которые всего сильнее действовали в его время». Историк М.П. Погодин (1800-1875) опубликовал «Письмо к С.П. Шевыреву о десятой его лекции» где отмечал, что аналогии «Слову...» можно найти в поэтических легендах и преданиях «Повести временных лет»: «В летописях мы имеем целую пиитическую литературу, Слова или Саги о всех важных и неважных подвигах древних князей, начиная от Рюрика до нашествия монголов и далее». В поддержку подлинности «Слова...» выступали также литературный критик В.Г. Белинский (1811-1848) и филолог М.А. Максимович (1804-1873). В издании «Слова о полку Игореве» 1844 года, выполненном историком Д.Н. Дубенским, содержался подробный комментарий, где было много древнерусских терминов, перекликающихся с памятником.

Итогом первого этапа стало разделение сторон в трактовке сюжета и, следовательно, политической философии «Слова...». Сторонники его подлинности утверждали, что сюжет «Слова...» следует воспринимать буквально: как призыв неизвестного автора к политическому объединению

Русских княжеств перед угрозой со стороны кочевников – в его время половцев, а в будущем монголо-татар. Автор «Слова...» выступал в их трактовке древнерусским гением, который предвидел, что последствием раздробления Руси станет утрата ею независимости. «Золотое слово» киевского князя Святослава воспринималось как едва ли не подлинный (возможно, последний) призыв к объединению Руси, а «плач Ярославны» – как скорбь русской княгини перед неизбежной будущей катастрофы Руси. Такая трактовка «Слова...» хорошо вписывалась в концепцию «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина, где Московское княжество сумело сделать то, что не смогли киевские князья – объединить Русское государство.

Скептики полагали, что анонимного гения Руси не существовало: был автор конца XVIII в., написавший свое произведение с определенными целями. Ими могли быть подражание поэмам Оссиана (английский псевдо-эпос XVIII века, написанный в действительности английским поэтом Джеймсом Макферсоном), показать наличие у России своего древнего эпоса, стремление подтвердить карамзинскую концепцию русской истории. В таком случае «Золотое слово» Святослава с призывом к единству Руси было искусственно перенесенным на Древнюю Русь «послезнанием» о последующих событиях.

Слоистая структура «Слова...»

Вторая волна дискуссий о «Слове..» началась в 1850-х гг. и продолжалась до конца XIX века. В 1852 г. литературовед В.М. Ундольский (1816-1864) впервые опубликовал другую древнерусскую поэму «Задонщину» – текст XV века, содержащий много неслучайных параллелей со «Словом...». Затем обнаруживаются и другие списки «Задонщины»: в настоящее время их настолько много, что невозможно собрать единый текст поэмы, ибо версии отличны друг от друга.

Первоначально открытие «Задонщины» было воспринято как решающий аргумент в пользу подлинности «Слова...». Тезис о том, что автор Задонщины конца XIV–XV вв. использовал в своем сочинении «Слово...»,

стал на время аксиомой, не требовавшей каких-либо доказательств. Однако в 1864 г. в Государственном архиве была найдена копия древнерусского текста «Слова» с переводом и примечаниями, изготовленная Мусиным-Пушкиным для Екатерины II и содержащая множество расхождений с первым изданием (так называемая «Екатерининская копия»). Она была издана П.П. Пекарским в том же году. Многие исследователи уверены, что все общее в двух вариантах текста восходит к погибшему мусин-пушкинскому сборнику, но были и скептики, указывавшие на нестыковки. Вопрос о подлинности «Слова...» возник уже в новом ключе.

В этот период начались попытки поиска фольклорной основы «Слова...». Еще в 1841 г. В.Г. Белинский охарактеризовал его как произведение народного творчества: «прекрасный благоухающий цветок славянской народной поэзии». На научную основу эту традицию поставил русский лингвист Ф.И. Буслаев (1810-1897): он искал близость «Слова» как украинским песням, так и русскому эпосу, включая мифологию. Его дело продолжал Н.С. Тихонравов (1832-1893), сопоставлявший мусин-пушкинскую публикацию с Екатерининской копией «Слова...». Русский языковед А.А. Потебня (1830-1891) поставил вопрос о том, что список 1800 г. ведет свое начало от черновой рукописи, писанной автором или с его слов, снабженный приписками на полях, заметками для памяти, поправками, вводившими переписчика (быть может конца XIII или самого начала XIV в.). Это само по себе ставило новый вопрос: единое ли произведение «Слово...» или это набор искусственно объединенных произведений.

Исследователи этого периода активно искали аналоги «Слова» в древнерусской или иной литературе. В. Миллер (1848-1913) подчеркивает зависимость «Слова...» от произведений византийско-болгарской литературы, в первую очередь от «Девгениева деяния»: древнерусского переложения (пред. XII–XIII вв.) византийской поэмы X в. «Дигенис Акрит» повествующей о подвигах легендарного героя – акрита Дигениса. Его концепция вызвала полемику в филологической науке. Еще дальше пошел археограф Е.В. Барсов (1836-1917): в трехтомном исследовании о «Слове...» (Барсов, 1887-1890) он датировал мусин-пушкинскую рукопись «Слова» XVI-м, а не XIV–XV вв. Отвергая близость «Слова...» к «Девгениеву

деянию», Е.В. Барсов старался найти в нем другие параллели с древнерусскими переводными произведениями, в частности с повестью римского автора Иосифа Флавия о падении Иерусалима. Однако в целом найти прямые аналоги «Слова...» в фольклоре ученым конца XIX в. не удалось: текстуальные параллели находились только в литературных произведениях.

«Слово...», таким образом, стало восприниматься исследователями как слоистое произведение, которое объединяет в себя несколько текстурально-смысловых пластов. Историк того времени С.М. Соловьев (1820-1879), исходя из обещания автора начать повествование «отъ старого Владимира» (ученый видел в этой фигуре Владимира Мономаха), полагал, что из текста исчезло описание походов против половцев, происходивших в 1100-х – 1110-х годах. Белорусский филолог и поэт М.А. Богданович (1891-1917) указывал, что «Слово» «небрежно слеплено из разнообразных, независимых один от другого отрывков, создававшихся в разное время и в разных местах». Наиболее скептическую точку зрения высказал украинский поэт Иван Франко (1856-1916), видевший в «Слове...» соединение фрагментов трех сказаний – о князьях Игоре, Всеславе Полоцком и Изяславе Васильковиче. В таком случае мы имеем дело с тремя разными политическими философиями: 1) неудачный поход князя Игоря как доказательства необходимости единства русских князей; 2) осуждение Всеслава Полоцкого как одного из родоначальников усобицы на Руси; 3) скорбь автора о судьбе погибающего Полоцкого княжества, не получавшего помощи в его борьбе с литовцами.

Выявление авторского намерения

Третья волна дискуссий о «Слове...» началась примерно в 1890-х гг. и продолжалась до конца 1930-х годов. Углубленное изучение русского летописания позволило поставить вопрос о том, можно ли вычислить политические взгляды или автора «Слова...» на научной основе.

В оригинальной форме эту проблему поставил французский славист Луи Леже (1843-1923), занимавшийся «древнечешской» Краледворской рукописью (как раз тогда была доказана ее поддельность). По его мнению,

такое сложное произведение как «Слово...» не могло быть народным: оно могло быть написано только кабинетным поэтом-эрудитом. Леже считал сомнительными языческие мотивы «Слова» через двести лет после принятия на Руси христианства. «Когда я вижу, что русских поочередно называют русскими сынами, внуками Стрибога, бога ветров, или Велеса, бога стад, это меня не вполне убеждает. Мне бы хотелось найти похожие названия в других текстах. Не привести ли мне здесь какой-нибудь фрагмент в переводе? Признаться, я колеблюсь: мне кажется почти невозможным перевести что-нибудь без обсуждения и комментария». Леже выдвинул гипотезу о создании «Слова» на базе «Задонщины», но не настаивал на версии о подделке XVIII века и допускал датировку «Слова...» XIV–XV веками.

В нашей стране изучение авторского намерения «Слова...» началось во второй половине XIX века. Еще филолог М.Н. Сперанский (1863–1938) считал это произведение написанным кем-то из современников похода 1185 г., принадлежавшим к кругу княжеской дружины. Стиль произведения, по его мнению, был «книжный, но обильно пропитанный приемами народного поэтического творчества». Филолог А.И. Соболевский (1857–1929) полагал, что «Слово...» изначально было предназначено для пения, а не чтения. С тех пор исследователи предложили несколько кандидатур на роль автора «Слова...»: человек из ближайшего окружения князя Игоря, участник похода, летописец (например, один из создателей Ипатьевской летописи с подробным рассказом о походе Игоря), придворный поэт, бродячий певец. Из конкретных фигур на роль автора «Слова...» выдвигались книжник Тимофей из Галича, Рагуил Добрынич (тысяцкий киевского князя Владимира Мстиславича), Ольстин Олексич (черниговский воевода), Кирилл Туровский (епископ), князь Святослав Всеволодович Киевский, его сына Владимира Новгородского, его жена Мария Васильковны, Святослав Ольгович Рыльский и даже сам князь Игорь Святославич, якобы осмыслявший свой поход с высоты прожитых лет (Шарлемань, 1951). Все эти построения носили, однако, спекулятивный характер и не подкреплялись никакими источниками.

Переворот произвело здесь научное изучение русских летописей А.А. Шахматовым (1864-1920): он предложил идти не от личности, а от политической обстановки и мотивов участников процесса. Его ученик историк М.Д. Приселков (1891-1941) попытался выяснить намерение автора в контексте летописной традиции (Приселков, 1938). «Историку нельзя не остановиться на том факте, что только один из эпизодов полуторавековой борьбы Руси с половецкой степью, неудачный поход Игоря в 1185 г., почему-то привлек к себе такое напряженное внимание современников... почему раздался этот призыв? Очевидно, рассказ о военном эпизоде 1185 года... в свое время затронул какие-то значительные и волнующие темы тогдашней жизни. Вскрыть эти темы – главная задача историка», – отмечал он.

М.Д. Приселков полагал, что до конца XI в. на Руси существовали киевская и черниговская летописная традиция: первая осуждала князя Олега Святославича за союз с половцами, вторая его обеляла. Автор «Слова...», по мнению Приселкова, предпочел киевскую традицию, враждебную Олегу. В своих симпатиях он совпадает с черниговским летописцем только по отношению к Игорю Святославичу, который и в черниговском варианте назван «благочестивым князем». Политической философией «Слова» становится, таким образом, противопоставление князя Игоря его деду Олегу Святославичу. Олег был за союз с половцами, Игорь вел с ними войну, Олег не поддерживал Киевскую митрополию, в то время как Игорь первым делом поехал в Киев. В таком случае «Слово...» – это программный документ, автор которого призывал сменить политику всего Черниговского княжества вслед за его мелкими уделами (вроде Новгород-Северского).

Ситуация усложнялась в связи с изучением «темных мест» в «Слове...». Историк Д.Н. Прозоровский (1820-1894) выдвинул гипотезу о том, что порядок частей в «Слове...» был нарушен при переписках. А.И. Соболевский подробно проанализировал начало поэмы, где автор излагает свои намерения. Эта часть очень сложна для понимания. В зачине автор говорит о том, что повесть свою он будет рассказывать «старыми словами», т.е. в манере Бояна, но «по былинном сего времени». Далее автор

описывает манеру Бояна, потом с солнечного затмения начинает рассказ про поход Игоря. Затем опять возвращается к Бояну, проясняя образ «Мысленного древа». Затем он возвращается к «былинам сего времени»: следует вторичное описание затмения, первая малая победа, тревожные знаки на пути, ночь перед боем, наконец сама битва, показанная через отвагу Всеволода. Соболевский предложил переставить абзацы в начале произведения. Получалось: «...наведе своя храбрыя полкы на землю Половецкую за землю Русьскую. О Бояне, соловию старого времени, а бы ты сия полкы ущекотал ... луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изострены, сами скачють аки серии волци въ поли, ищюче себе чти, а князю славы». Перестановку А.И. Соболевского поддержал его ученик академик В.Н. Перетц (1870-1935), а немногим ранее и П.Л. Маштаков (1872-1942). Однако не были ли при этом утеряны, как отмечали скептики, важные смыслы «Слова...»?

Поветрием литературы XX в. стало изучение проблемы загадочного «Трояна» – одного из «темных мест» в «Слове...». Троян упоминается в «Слове» четыре раза:

1) «О Бояне, соловию стараго времени! А бы ты сіа плъкы ущекоталъ..., рища въ тропу Трояню чресь поля на горы».

2) «Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святъславлича...»

3) «Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню...»

4) «На седьмомъ вѣцѣ Трояни врѣже Всеславъ жребіи... и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго».

С этого времени сложилось несколько предположений о том, кем был «Троян». Первое – древнеримский император Траян (98-117 гг. н.э.), что обосновал филолог Н.С. Державин (1877-1953). Второе – славянский языческий бог Троян, что выдвинул румынский филолог Александру Болдур (1886-1982). Третье – «Троян» как триумвират Ярославичей в середине XI в., что было быстро отвергнуто исследователями.

А. Болдур показал, что имя Траян не могло перейти из латинского языка в румынский в форме Троян: оно стало бы передаваться как «Трэзын». Корень «троян» был, согласно его аргументам, заимствован в румынский язык из славянских языков. Таким образом, Троян, согласно гипотезе Болдура, это мифологизированный славянами римский император Траян, но в «Слове о полку Игореве» он выступает уже не исторической личностью, а божеством. Однако концепция Болдура также была подвергнута критике. Ведь император Траян правил во II в. н.э., и на Руси XI в. не мог быть седьмым веком Трояна: это, скорее, некие события V-VI вв., взятые за основу летоисчисления, понимаемого как «Трояновы века».

Между тем, еще в 1863 г. славист И.И. Срезневский (1812-1880) опубликовал апокриф XII в. «Хождение Богородицы по мукам». Его текст был переделкой греческого «Откровения пресвятой Богородицы», пользовавшийся большой популярностью у старообрядцев. Текст описывал муки грешников в аду и упоминал многих мифологических существ «Слова о полку Игореве». «И ответил архистратиг: «Это те, кто не веровали в Отца и Сына и Святого Духа, забыли Бога и веровали в то, что сотворил нам Бог для трудов наших, прозвав это богами: солнце и месяц, землю и воду, зверей и гадов; все это те люди сделали из камней, – **Траяна, Хорса, Велеса, Перуна** в богов превратили, и были одержимы злым бесом, и веровали, и до сих пор во мраке злом находятся, потому здесь так мучаются...». На этот пассаж обратил внимание известный филолог Д.С. Лихачев (1906-1999), увидев в нем параллель с «Трояном» «Слова о полку Игореве» (тем более, что у южных славян существует предание о злом духе Трояне).

Но если это так, то сам собой вставал вопрос: понимаем ли мы смысл авторского намерения? В «Слове...» мифический певец Боян получает поэтическое вдохновение, «рыща по Тропе Трояна»; Русская земля именуется «землей Трояней», в эту землю вступила «дева обида», вставшая «в силах Дажьбожья внука». Троян здесь связывается как с мифологией пространства, так и с мифологией времени: «века Трояна» означают времена первых русских князей-героев; седьмой (последний) века Трояна относится к правлению Всеслава Брючиславича (XI век), последнего мифологизированного князя, который представлялся оборотнем. Получалось, что певец

Боян выступает в «Слове...» как отрицательный персонаж – последователь злого духа Трояна, рыскавший по его тропе, а «Земля Трояня» тесно связана с язычеством?

В науке возникли несколько школ, по-разному трактующих этот сюжет: 1) Троян не имеет отношения к злему духу из «Хождения Богородицы по мукам», и автор позитивно относится к Бояну и «Земле Трояней»; 2) Троян – отрицательное существо, злой дух из «Хождений...», и автор противопоставляет себя его последователю Бояну (растекшемуся по некоему «мысленну древу» и «раскавшему по тропе Трояней») и «Земле Трояней» (Черниговскому княжеству?); 3) Троян – славянское божество, ставшее с принятием христианства злым духом, и автор вспоминает о языческом прошлом Руси, пережитки которого, возможно, сохранились в Полоцком княжестве. Похоже, в «Слове...» существует какой-то иной пласт смыслов, не понятных нашему современнику.

«Слово...» или «Задонщина»?

Четвертый этап дискуссий вокруг «Слова...» инициировал в середине XX в. французский историк и лингвист Андре Мазон (1881-1967) своей монографией “Le Slovo d’Igor” (1940). По мнению Мазона, в первоначальном варианте «Задонщина» рассматривала Куликовскую битву не как победу, а как поражение, военную катастрофу русских войск (не случайно, что через два года после Куликовской битвы 1382 г. хан Тохтамыш сравнительно легко взял Москву). Только позднее история Куликовский битвы была изображена как победа над Мамаем. С ранней версии «Задонщины» и было списано «Слово...», преобразование в рассказ о поражении войск князя Игоря от половцев в 1185 года, Мазон полагал, что автором подделки был уже упомянутый директор Московского архива Коллегии иностранных дел Н.Н. Бантыш-Каменский. Его целью было прославить империализм Екатерины II: она сумела сделать то, что не смогли русские князья XII века – выйти к Черному морю.

Мазон также обратил внимание, что в ряде списков «Сказания о Мамаевом побоище» есть интересный плач Евдокии Московской и ее невестки Марии (вымышленной жены Владимира Серпуховского), удивительно напоминающий плач Ярославны в «Слове...»⁶.

Мазон, предположил, что образ Ярославны в «Слове о полку Игореве» списан с Евдокии Московской из одной из редакций «Сказания о Мамаевом побоище». Примечательно, по его мнению, что монголы в списках «Сказания...» названы половцами, то есть русские авторы XV–XVI вв. напрямую их отождествляли друг с другом. Но в таком случае «Слово...» не может быть старше списков «Сказания...» рубежа XV–XVI веков.

Теория Мазона меняла всю историю политической философии Древней Руси. Получалось, что в ее основе лежала масштабная фальсификация. Куликовская битва изначально рассматривалась русскими книжниками и летописцами как поражение. Только примерно при Иване III (1462-1505) она была преобразована в победу Московского княжества над Мамаем. Так называемый поход Игоря на половцев в «Слове...» не имел отношения к реальному походу новгород-северского князя на половцев 1185 года: это завуалированное описание подлинной военной катастрофы 1380 года. У Мазона сами собой напрашивались аллюзии: Игорь – Дмитрий Донской, «Буй Тур Всеволод» – Владимир Андреевич Храбрый, Ярославна (Евфросинья Ярославна) – княгиня Евдокия Московская, «Глебовна» – Елена Ольгердовна, Кончак – Мамай и т.д. При этом, подчеркивал Мазон, Бантыш-Каменский добавлял в раннюю версию «Задонщины» «Историю» В.Н. Татищева, Библию, а также романы о пиратах и индейцах.

⁶ «Княгиня же великая Евдокия со своею невесткою, княгинею Владимира Марией, и с воеводскими женами, и с боярынями взошла в златоверхий свой терем в набережный и села на рундуке под стекольчатými окнами. Ибо уже в последний раз видит великого князя, слезы проливая, как речной поток. С великою печалью, приложив руки свои к груди, говорит: Господи боже мой, всевышний творец, взгляни на мое смирение, удостой меня, господи, увидеть вновь моего государя, славнейшего среди людей великого князя Дмитрия Ивановича. Помоги же ему, господи, своей твердой рукой победить вышедших на него поганых половцев. И не допусти, господи, того, что за много лет прежде сего было, когда страшная битва была у русских князей на Калке с погаными половцами, с агарянами; и теперь избавь, господи, от подобной беды, и спаси, и помилуй! Не дай же, господи, погибнуть сохранившемуся христианству, и пусть славится имя твое святое в Русской земле! Со времени той калкской беды и страшного побоища татарского и ныне уныла Русская земля, и нет уже у нее надежды ни на кого, но только на тебя, всемогущего бога, ибо ты можешь оживить и умертвить».

В поддержку теории Мазона выступили русские филологи-эмигранты Б.Г. Унбегаун и поэт М.Г. Горлин, болгарский ученый М. Арнаудов, японский славист Р. Кисаки. Все они доказывали сомнительный характер происхождения «Слова...» и соглашались с Мазоном в первичном характере одной из версий «Задонщины». Возможно, если бы подобные построения появились в 1920-х годах, они бы встретили благожелательное отношение в раннем СССР на волне отрицания всего царского периода. Однако теперь на волне Второй Мировой войны и послевоенной борьбы с космополитизмом и в СССР началась кампания борьбы с Мазоном.

Единого ответа Мазону не получилось. Советская историческая наука раскололась на три больших направления в трактовке «Слова...»:

Критика Мазона и доказательство подлинности «Слова...». Уже в 1947 г. с подробной критикой концепции Мазона выступили американский лингвист русского происхождения Р.О. Якобсон (1896-1982) и американский историк Г.В. Вернадский (1887-1973). По их мнению, «Слово» не содержит в себе ни единого элемента, невероятного (или по крайней мере подозрительного) для произведения, созданного в XII веке и переписанного в XVI века. Текст «Слова...» содержит большое количество черт, которых не следовало бы ожидать от более позднего текста и которых образованные люди XVIII века знать не могли. Аргументация Якобсона была признана филологами разных стран, однако Мазон не признал поражения, а в 1956 г. издал и прокомментировал скептическую работу о «Слове...» советского исследователя Л.И. Успенского 1925 года. Эту аргументацию поддержал Пушкинский институт в Ленинграде во главе с известным филологом Д.С. Лихачевым. В эти годы было собрано много аргументов в пользу подлинности «Слова», в частности, параллели в древнерусской литературе. В 1962 г. в СССР вышел обобщающий сборник «Слово о полку Игореве – памятник XII века» (Лихачев, 1962), где Лихачев пересказывал для советского читателя, в частности, и основные аргументы Якобсона и его группы. На страницах этого сборника в защиту подлинности «Слова» высказывается Ю. М. Лотман, анализирующий памятник на фоне литературы конца XVIII века. В поддержку подлинности «Слова» выступал и классик советской исторической науки Б.А. Рыбаков

(1908-2001): он даже предлагал на роль автора этого произведения полумифического боярина Петра Бориславича конца XII века. Одновременно в СССР широко выдвигались версии относительно загадочной реки Каялы. Здесь сложилось несколько основных точек зрения: 1) река Калитва, впадающая в Северский Донец, 2) река Потудань в Воронежской области, старым названием которой якобы была Каяла; 3) река Чир, на берегу которой были найдены клинки и обломки доспехов XII века; 4) река Берда в Запорожской области, впадающая в Азовское море близ современного Бердянска; 5) мифическая река, означающая покаяние.

С точки зрения политической философии эта школа воспроизводила обновленную карамзинскую схему. Некий анонимный автор-патриот конца XII в. предвидел опасность раздробленности Руси перед лицом евразийских кочевых союзов и призывал к объединению перед лицом внешней опасности. Его прогноз полностью подтвердился в событиях XIII века: установлением монголо-татарского ига. Решить эту историческую задачу смогло Московское княжество, объединив русские земли. «Задонщина» была ответом «Слову...» другого анонимного автора XV века: единая Русь смогла сделать то, что не смогли сделать удельные древнерусские князья.

Компромиссная точка зрения по отношению к теории Мазона. Ее своеобразным основателем был, как ни парадоксально, К. Маркс, полагавший, что «Слово...» написано непосредственно перед вторжением монголов в 1237 году. В СССР ее возродил в 1958 г. историк и писатель Д.Н. Альшиц (1919-2012), предполагавшийся, что «Слово...» было написано около 1235 года. Автор «Слова...» был, по его мнению, явно знаком с текстом Ипатьевской летописи, составленным около 1200 года, и, видимо, пользовался им. Загадочная река Каяла, по мнению Альшица, – это завуалированное название Калки (в настоящее время также не идентифицирована), и сам ход битвы на Каяле удивительно напоминает в «Слове...» ход битвы на Калке 1223 года (первое и тяжелое поражение объединенного войска русских князей от монголов во главе с полководцем Субудаем). Более того: в «Задонщине» она названа Каялой, что сближает оба произведения. Эта аллюзия, по мнению Альшица, и объясняла «темное место» в «Слове...»,

где князь Святослав называет половцев «всадниками неведомого края». Половцы были известны на Руси с 1060-х годов, зато монголы и их союзники внезапно появились в 1223 году.

Более радикальный вариант этой теории предложил историк и этнолог Л.Н. Гумилев (1912-1992). В 1964 г. он предположил, что «Слово» создано в середине XIII века (около 1250 г.), представляет собой аллегорический памфлет, а под видом Игоря и половцев выведены Александр Невский и монголы. В книге «Поиски вымышленного царства» (1970) Гумилев попытался дать прочтение «темным местам» в «Слове...». По его мнению, загадочные «хины» – это искаженное слово «Цзинь», название чжурчженьской империи в Северном Китае, перенесенной затем на Монгольскую империю, «хиновтя стрела» – эта аллюзия на отравленные монгольские стрелы (неизвестные половцам), «Троян» – это намек на несторианство, популярное направление в христианстве у монголов, поклонение Игоря Богородице Пирогощей – жест против несториан, отвергавших культ Богородицы, «века Трояновы» – отсчет времени от появления несторианского направления в христианстве в середине V в. н.э. Небезынтересна и трактовка автором выражения, что Боян «рыскал в тропу Трояню через поля и горы: «Но попробуем понять это буквально, то есть считать, что источник веры в Трояна лежит на горах за полями. Поля в данном случае половецкая степь, а горы – или Кавказ, или восточная окраина кипчакской степи Тянь-Шань» (Гумилев, 2014, с. 311). Гумилев обращал внимание на тот факт, что в конце XII в. опасности для Полоцкого княжества со стороны Литвы не было, зато она появилась в середине XIII века, о чем и сокрушался автор «Слова...»

Политическая философия «Слова...» выступала здесь иной, чем у сторонников первого подхода: «Слово...» представало как аллегория на монгольское нашествие середины XIII в. и как призыв к русским князьям объединиться против Монгольской империи. Князь Игорь, битва на тиньковской реке Каяле, «Золотое Слово» Святослава, плачь Ярославны не имели никакого отношения к походу князя Игоря 1185 года. Под их масками показаны князья XIII века, которых автор призывал выступить

в союзе с королевствами Восточной Европы против монголов. Соответственно, автор «Слова...» категорически не принимал курс князя Александра Невского на сближение с Золотой Ордой против крестоносцев и Литвы, завуалировано призывая его сменить политическую линию. Мазон с точки зрения Альшица и Гумилева был не прав, ставя «Слово...» после «Задонщины», но он был прав, отметив связь «Слова...» с монголами.

Теория Альшица-Гумилева была подвергнута жесткой критике Б.А. Рыбаковым, в которой помимо конкретных аргументов было много эмоциональных и идеологических построений. Д.С. Лихачев занимал здесь более компромиссную позицию, то частично поддерживая Л.Н. Гумилева, то ставя под сомнение свои тексты. Более осторожен был немецкий лингвист Карл Генрих Менгес (1908-1999) в своей работе «Восточные элементы в “Слове о полку Игореве”». Частичную поддержку этой теории оказал казахский поэт и дипломат О.О. Сулейменов, предположивший, что загадочные «Карна и Жля», сеющие губительную смагу – не славянские богини, а искаженное тюркское «кара-жлан» (черный змей), что может быть намеком на половецкие или монгольские знамена, а губительная смага – на их знаменитые огнеметательные машины⁷. Возможно, Рыбаков увидел в теории Альшица-Гумилева опасный компромисс с концепцией Мазона (по логике: от признания связи «Слова...» с монгольским нашествием не так далеко до идеи поменять их местами с «Задонщиной»).

Поддержка концепции А. Мазона. С ней в 1963 г. выступил московский историк-медиевист А.А. Зимин (1920-1980). 25 февраля 1963 г. он сделал в Пушкинском Доме в Ленинграде сенсационный трехчасовой доклад о позднем происхождении «Слова». Свой вывод Зимин решил официально не анонсировать, и он стал сюрпризом для большинства собравшихся, которые не смогли возразить на многие аргументы докладчика. Теория Зимина сводилась к следующему. «Задонщина» до нас дошла в двух видах: Краткой и Пространной, наполненной художественными образами. Краткая представлена списком XV в., Пространная – более поздняя. Так как «Слово о полку Игореве» ближе по художественной стилистике

⁷ Сулейменов О. Карна Жля // Простор. 1963. № 6. С. 102;

к Пространной версии «Задонщины», то оно – более позднее произведение. В обратном случае «Слово» должно было бы быть прохожим на краткую редакцию «Задонщины». По мнению А.А. Зимина, «Слово...» было создано не Бантыш-Каменским, а архимандритом Иоилией Быковским, у которого Мусин-Пушкин, по позднему рассказу, якобы купил рукопись. С точки зрения Зимина, Иоиль не был фальсификатором; лишь после его смерти Мусин-Пушкин выдал сочинение за древнерусское,

Концепция Зимина была признана Идеологическим отделом ЦК КПСС политически опасной, на него был наложен запрет выступать с докладами. В ходе предварительного обсуждения Зимина поддерживали несколько видных историков (А.Н. Насонов, Я.С. Лурье, В.Б. Кобрин, В.Л. Янин) и, с оговорками, руководитель советской лингвистической русистики академик В.В. Виноградов. 4-6 мая 1964 г. возможность публикации книги Зимина обсуждалась на закрытом заседании Отделения истории АН СССР. В октябре 1964 г. было принято решение не издавать книгу Зимина. В 1965-1968 гг. он опубликовал 13 статей, но книга, которую он расширял и дорабатывал до своей смерти в 1980 году, вышла в свет только в 2006 году.

Зимин попытался смягчить взгляд Мазона на политическую философию «Слова...» Оно выступало у Зимина просто историческим произведением, «героической песней», автор которого ни на что не претендовал. Однако, несмотря на все старания Зимина, получалось, что слово вторично по отношению к «Задонщине». Получалось, что перед нами – искаженное изложение событий 1380 года, перенесенное на конец XII века.

За рубежом идеи А.А. Зимина поддержал немецкий лингвист К. Трост. В 1974 г. он, исходя из лингвистического анализа текстов, опубликовал статью о том, что «Слово...» было во многом создано Н.М. Карамзиным. (Например, согласно Тросту, «Остров Борнгольм» Карамзина (1793 г.) имеет 63,9% предложений, вводимых бессоюзно, – почти строго столько же, сколько в «Слове...»). В теории Троста Карамзин намеренно сфальсифицировал «Слово...» для доказательства своей исторической теории, что уже в конце киевского периода на Руси были люди, мечтавшие о ее будущем единстве.

Ответом А.А. Зимину стали работы литературоведа О.В. Творогова (1928-2015) и историка А.А. Горского. Они доказывали, что ряд пассажей в «Слове...» смотрятся более органично, чем в «Задонщине», что якобы свидетельствует о его большей древности. И Зимин, и Творогов пришли к выводу, что зависимость «Слова...» от «Задонщины» не прямая: между ними существовал какой-то неизвестный памятник. Здесь можно признать существование двух схем: 1) «Слово...» – неизвестный памятник XIII-XIV вв. – «Задонщина» 2) «Задонщина» – неизвестный памятник XV века – «Слово...».

В начале XXI в. теорию Мазона-Зимина попытался возродить американский историк Эдвард Кинан. Он указал, что нет документальных свидетельств существования оригинала текста поэмы (Keenan, 2003): все они восходят к К.Ф. Калайдовичу, которому в момент издания «Слова...» было восемь лет. История о приобретении поэмы у архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоилиа Быковского, рассказанная графом А.И. Мусиным-Пушкиным, «мошенническая» – в каталогах монастырской библиотеки нет конволюта с Хронографом под номером 323, в котором якобы и находилось «Слово...». Вплоть до своей смерти в 1817 г. Мусин-Пушкин не заявлял о потере рукописи «Слова...» в пожаре 1812 г., следовательно, он ничего и не терял. На роль автора Кинан выдвинул чешского слависта Йозефа Добровского (1753-1829), который в 1792-93 гг. знакомился с коллекцией древних рукописей Мусина-Пушкина. Он сделал выписки из многих произведений, в том числе и из рукописи «Слова...», которые Кинан объявил набросками для фальсификата.

Идеи Кинана подверглись критике в научном сообществе. Из русских исследователей наиболее обстоятельный ответ дал известный лингвист А.А. Зализняк (Зализняк, 2014). Сравнивая текст «Слова...» с языком новгородских берестяных грамот, он пришел к тем же выводам, что и Якобсон: все системные лингвистические аргументы (употребление двойственного числа, глагольных времен, местоимений-энклитик, диалектизм; орфография текста) оказываются на стороне подлинности «Слова» и позволяют датировать оригинал и список (текст конца XII века, дошедший до публикаторов в рукописи XV или XVI века). Зализняк отме-

чает, что скептики систематически недооценивают языковую проблематику. По мнению Зализняка, фальсификатор конца XVIII в. должен был самостоятельно открыть огромный объем научных знаний о древнерусском языке, а затем «закреть» их, не оставив потомству ничего из своих гениальных достижений. В частности, этого не мог сделать и великий славист Добровский.

Работа А.А. Зализняка не означала полного доказательства, что «Слово...» было написано именно в конце XII века: скорее, он докатывал сложность подделки «Слова...» в конце XVIII века. Однако между концом XII и концом XVIII вв. лежат 600 лет истории, и вопрос о времени написания «Слова...» в этот промежуток времени (равно как и его соотношение с «Задонщиной») остается по-прежнему дискуссионной. Кроме того, далеко не все исследователи согласились с аргументацией А.А. Зализняка, приведя и серьезные контраргументы (Ранчин, 2012). (Один из них – прекрасное владение мертвым латинским языком в Средневековой Европе, что могло быть и на Руси в отношении древнерусского языка). Вопрос о датировке «Слова...» остается еще нерешенным, что само по себе затрудняет особенности понимания древнерусской политической философии.

* * *

Политическая философия «Слова...» остается дискуссионной и до конца не выявленной исследователями. В самом общем смысле «Слово...» является призывом к объединению Русских княжеств для организации борьбы с кочевниками – не важно, понимаются ли под ними половцы или аллюзивно выведенные более поздние события. Одновременно автор «Слова...» через исторические размышления и полоцкую тематику показывает упадок государства, сожалея о его предшествующем расцвете. Однако при этом в «Слове...» выявлен и скрытый смысловой пласт в виде «темных мест» и неясных образов, пока недоступный для понимания современных исследователей. Только его расшифровка может позволить восстановить правильное понимание эволюции древнерусской политической мысли.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Received: April 13, 2024

Accepted: June 6, 2024

DOI: 10.24833/2782-7062-2024-3-2-43-68

UDC: 321

Political Science / Research article

Political Philosophy of “The Tale of Igor’s Campaign”

Alexey V. Fenenko, Doctor of Political Sciences, Professor of the Faculty of World Politics,
Lomonosov Moscow State University.

Leninskie Gory st., 1, building 51, Moscow, Russia, 119234

E-mail: alfenenko@yandex.ru

Abstract: The political, philosophical and conceptual basis of “The Tale of Igor’s Campaign,” a conventionally ancient Russian poem about the unsuccessful campaign of the Novgorod-Seversk prince Igor Svyatoslavich (1155-1201) against the Polovtsians in 1185, remains debatable. It directly depends on the author’s intention in the context of the intended dating of the era. From a scientific point of view, it is more correct to talk not about the political and philosophical thought of “The Tale...”, but rather about the complex of discussions around this text. Therefore, it is possible to understand the political motives of “The Tale...” only in the context of the controversy surrounding its dating, which has been going on for more than two centuries. The article presents discussions about the authenticity of the text, its relationship with other ancient Russian sources, the historiography of disputes about the text, and conclusions regarding its political philosophy.

Keywords: The Tale of Igor’s Campaign, philosophy, political philosophy, Russian philosophy, history of Russia

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

- Keenan E. L. (2003). *Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor’ Tale*. Cambridge, Mass.
- Mazon A. (1940). *Le Slovo d’Igor*. André Mazon. Droz.
- Roland G. (2004). Understanding Institutional Change: Fast-Moving and Slow-Moving Institution. *Studies in Comparative International Development*, 4, 109–131.

Barsov, E.V. (1887-1890). «*Slovo o polku Igoreve*» kak khudozhestvennyy pamyatnik Kiyevskoy družinnoy Rusi ["The Tale of Igor's Campaign" as an artistic monument of Kievan družina Rus]. In 3 vols., Moscow: Univ. type. (M. Katkov). (In Russian)

Bobrov, A.G. (2014). Proiskhozhdeniye i sud'ba Musin-Pushkinskogo sbornika so «Slovom o polku Igoreve» [The origin and fate of the Musin-Pushkin collection with "The Tale of Igor's Campaign."]. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*, 62, 528–553. (In Russian)

Charlemagne, N.V. (1951). Zametki naturalista k «Slovu o polku Igoreve» [Notes from a naturalist on "The Tale of Igor's Campaign."]. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. T. 8. pp. 53–67. (In Russian)

Entsiklopediya «Slova o polku Igoreve»: v 5 tomakh [Encyclopedia "Tales of Igor's Campaign": in 5 volumes.] (1995). The Russian Academy of Sciences. Institute of Russian Literature (Pushkin House). Ed. Col.: L.A. Dmitriev, D.S. Likhachev, S.A. Semyachko, O.V. Tvorogov (responsible editor). SPb.: Dmitry Bulanin. (In Russian)

Gumilev, L.N. (2014). *Poiski vymyshlennogo tsarstva* [Searches for a fictional kingdom]. Moscow: IRIS-press. (In Russian)

Likhachev, D.S. (ed.). (1962). *Slovo o polku Igoreve – pamyatnik XII veka* [The Tale of Igor's Campaign is a monument of the 12th century]. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. (In Russian)

Nikolyukin, A.N. (2020). Slovo o polku Igoreve: (S.P. Shevyrev i M.P. Pogodin) [A word about Igor's regiment: (S.P. Shevyrev and M.P. Pogodin)]. *Literary journal*, 2 (48), 144–150. (In Russian)

Priselkov, M. (1938). «Slovo o polku Igoreve» kak istoricheskiy istochnik ["The Tale of Igor's Campaign" as a historical source]. *Istorik-marksist*, 6, 112–133. (In Russian)

Ranchin, A. (2012). A bylo li «Slovo...» v nachale? Spory o podlinnosti «Slova o polku Igoreve» i kniga akademika A.A. Zaliznyaka [Was there "the Word..." in the beginning? Disputes about the authenticity of "The Tale of Igor's Campaign" and the book by Academician A.A. Zaliznyaka]. *New world*, 6. (In Russian)

Senkovsky, O. (1837). *Puteshestviye po Islandii gospodina Marmiye* [Travel to Iceland by Mr. Marmie]. Library for reading. Vol. 24. (In Russian)

Zaliznyak, A.A. (2004). «Slovo o polku Igoreve»: Vzgl'yad lingvista ["The Tale of Igor's Campaign": A linguist's view]. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russian)

Zimin, A.A. 2006. *Slovo o polku Igoreve* [A Word about Igor's Campaign]. SPb.: Dmitry Bulanin. (In Russian)

Литература на русском языке:

Барсов Е.В. (1887-1890). «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. В 3 т., Москва: Унив. тип. (М. Катков).

Бобров А.Г. (2014). Происхождение и судьба Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве». *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 62. С. 528–553.

Гумилев Л.Н. (2014). Поиски вымышленного царства. Москва: АЙРИС-пресс.

Зализняк А.А. (2004). «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. Москва: Языки славянской культуры.

Зимин А.А. 2006. Слово о полку Игореве. СПб.: Дмитрий Буланин

Лихачев Д.С. (ред.). (1962). Слово о полку Игореве – памятник XII века. Москва, Ленинград: АН СССР.

Николюкин А.Н. (2020). Слово о полку Игореве: (С.П. Шевырев и М.П. Погодин). *Литературоведческий журнал*. № 2 (48). С. 144–150.

Приселков М. (1938). «Слово о полку Игореве» как исторический источник. *Историк-марксист*. № 6. С. 112–133.

Ранчин А. (2012). А было ли «Слово...» в начале? Споры о подлинности «Слова о полку Игореве» и книга академика А.А. Зализняка. *Новый мир*. № 6.

Сенковский О. (1837). Путешествие по Исландии господина Мармие. *Библиотека для чтения*. Т. 24.

Шарлемань Н.В. (1951). Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве». *Труды отдела древнерусской литературы*. Т. 8. С. 53–67.

Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 томах. (1995). Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Ред. кол.: Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, С.А. Семячко, О.В. Творогов (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин.